

роман грачев
ЗНАЕШЬ, ДОЧА...

Роман Грачев
Знаешь, доча...

«Издательские решения»

Грачев Р.

Знаешь, доча... / Р. Грачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905590-3

Давай поболтаем, дочь. О мальчишках и девчонках, о дружбе и любви, о «странных» родителях и «несправедливых» учителях. Об увлечениях, пристрастиях, мечтах и планах на жизнь. О том, кто круче — Джонни Депп или Леонардо Дикаприо. О том, как лучше обратить на себя внимание нужного человека... Обо всем поговорим, обещаю. И надеюсь, что ты не будешь против, если это прочтет кто-то еще. Вдруг им пригодится... Самый откровенный папа в мире — к вашим услугам.

ISBN 978-5-44-905590-3

© Грачев Р.

© Издательские решения

Содержание

Сторонним читателям	6
Привет, дочерик!	7
Послеродовой ступор	8
Измерить длину «Икаруса»	10
Дырка в заборе	11
Умереть не встать	12
«А вдруг немцы?»	13
«...Бегала собачка»	14
Хоккей или кукольный театр?	15
Высочайшее разрешение	17
Потому что гладиолус	18
Папа гадский, но честный	19
АВВА!	20
Удрать за 60 секунд	21
Достал	22
Волосы	23
Лето и проклятые буржуины	24
Это наш с тобой секрет	25
Стыдно	26
Антошка, пойдем копать!	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Знаешь, доча...

Роман Грачев

«Впервые я ощутил в себе музыкальный дар в ту ночь, когда после первого сексуального опыта возвращался в общежитие города Череповца...»

(К/ф «Ландыш серебристый-2»)

«Всякий уважающий себя мужчина мечтает о сыне. По крайней мере, делает вид. Хотя на самом деле ему очень хочется иметь дочку.

Дочь – это единственная Леди, рядом с которой ВСЕГДА можно чувствовать себя Настоящим Мужчиной и Безусловным Авторитетом вне зависимости от физического здоровья, объема бумажника, марки автомобиля и наличия порочащих связей. Кроме того, воспитывая свою Маленькую Леди, ты стараешься исправить все ошибки, допущенные когда-либо в отношениях с женщинами. А ошибок мы совершаем немало.

Быть папой девочки – самое лучшее, что может произойти с мужчиной».

(«Томка, дочь детектива»)

«– Какой-то я уж очень идеальный получился.

– Ничего, жизнь это исправит».

(К/ф «Москва слезам не верит»)

Редактор Роман Грачев

Дизайнер обложки Роман Грачев

© Роман Грачев, 2018

© Роман Грачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5590-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сторонним читателям

Извините, что обращаюсь к вам именно так – «сторонние». Дело в том, что эта книга от начала и до конца по форме и содержанию представляет собой монолог, адресованный моей дочери. Здесь довольно много личного. Это, однако, совсем не означает, что я вам не рад. Наоборот! Если вы держите эту книгу в руках, стало быть, она и ваша тоже, в противном случае я просто запер бы свою дочь в комнате и поговорил с ней с глазу на глаз.

Но хочу предупредить. В процессе публикации я столкнулся с дилеммой: какую возрастную маркировку поставить. С одной стороны, я беседую со своим собственным двенадцатилетним ребенком, и мы с дочерью обычно не церемонимся в выборе выражений и не стесняемся многих тем. С другой стороны, если наш разговор попадет в руки других несовершеннолетних детей (например, ваших), то в любой момент может нарисоваться какой-нибудь блюститель нравственности, уверенный, что сие «непотребство» разлагающе подействует на будущих носителей наших традиционных ценностей.

Давайте поступим так. Я на всякий случай поставлю на обложку ограничитель «18+», а вы уж сами решайте. Если сочтете, что обсуждаемые здесь темы должны находиться лишь в ведении взрослых, то с юридической точки зрения мы чисты. Но если вы решите, что вашим детям-подросткам, особенно девочкам, будет интересно и полезно это прочесть, то я срочно сваливаю к канадской границе.

Эта книга – своеобразный сборник моих заметок, миниатюр, размышлений и наблюдений. Большей частью это оригинальный текст, но есть и небольшие цитаты из других моих книг, подходящие по смыслу и настроению. Если у вас появится желание ознакомиться с ними поближе, я не посмею возражать, буду только рад. В конце вы найдете почти полную подборку моих работ. Что касается настоящего издания, то я надеюсь, что вы не заплатили за него ни копейки. Сделать книгу бесплатной и общедоступной – мое принципиальное решение, так что будьте уверены, что вы ничего не нарушили, скачав ее на сторонних сайтах.

Спасибо, что вы со мной. Точнее, с нами.

Привет, дочерик!

Вот и понесла меня нелегкая в воспоминания. Не волнуйся, много времени у тебя не отниму, хотя и знаю, что тебе всегда было интересно слушать рассказы о том, каким балбесом я был в твоём возрасте (все эти мои самодонсы и явки с повинной оправдывают тебя в своих собственных глазах, не так ли?). Я вовсе не жду, что ты прочтешь эту книгу от начала и до конца за один присест. Ты можешь растянуть «удовольствие» на любой удобный тебе срок, ведь надо же еще находить время для учебы, зависания в соцсетях и «Контры». Впрочем, я ни на чем не настаиваю, делай как тебе удобнее. Я просто кое-что поясню в самом начале, а дальше сама решишь.

Назначенную эпиграфом фразу я взял из своего любимого сериала. В одном из эпизодов «Ландыша» горе-продюсеры Лева и Стас в исполнении Александра Цекало и Юрия Стоянова ищут новую песню для своей бывшей жены (да, вот такая загогулина – оба были в разное время женаты на одной женщине, «звезде» эстрады Ирме, которую играла Алена Хмельницкая). Как назло, все мало-мальски толковые композиторы пошли вразнос: один попал под каблук любовницы, другой запил, а третий лежал на диване и жаловался:

– Веришь, Стасик, пить неохота, баб неохота, денег не надо... Депрессия...

– Депрессия? – возмущался Стас. – Лучший способ избавиться от депрессии – заняться творчеством! Ты что, вообще ничего не пишешь?

– Почему же, пишу. Хочешь послушать? Только вряд ли тебя это устроит.

– Ты дай послушать, а меня устроит!

Депрессивный композитор уселся у рояля, взял с пюпитра нотный лист, перевернул его обратной стороной и начал читать:

– «Впервые я ощутил в себе музыкальный дар в ту ночь, когда...».

В общем, ты понимаешь, доча – он начал писать мемуары, то есть воспоминания. Хотя был не так уж и стар.

Мне сейчас сорок пять. По классификации Всемирной организации здравоохранения, я застрял где-то на границе между «молодым человеком» и «мужчиной среднего возраста». С одной стороны, еще не время вращаться задом в кресло у камина и с глубокомысленным видом рассуждать о бренности бытия, но с другой, наверно, имеет смысл ненадолго остановиться, подумать и спокойно поболтать с тобой о нашем, «папино-дочкином»? У тебя ведь тоже непростой возраст. Почему бы нам не совместить приятное с полезным?

В этой книге я хочу рассказать тебе о том, что знаю (слова, отмеченные звездочкой, получают свое разъяснение в конце). О вещах, к постижению которых мне пришлось идти всю жизнь. Что-то я подслушал у других умных людей, к чему-то пришел сам, но в этом тексте нет ни одной главы, которую я бы не прочувствовал и не пропустил через себя. Возможно, мне самому этот рассказ-разговор необходим больше, чем тебе, но, клянусь, если бы в свое время, лет тридцать назад, со мной вот так поговорили, то многих шишек на голове и ссадин на коленях удалось бы избежать.

Должен признать, что знаю и умею я к своим сорока пяти меньше, чем мне бы хотелось, и я ни в коем случае не претендую на знание абсолютной истины. Просто мне кажется, что даже то небольшое, что я знаю, тебе может пригодиться. И еще я думаю, что ты не будешь возражать, если мои «мемуары» прочтет кто-то еще и им покажется это интересным. Ты у меня девочка не жадная.

Итак, с чего начнем?

А давай с того самого дня...

Послеродовой ступор

Знаешь, с удивлением (и тайной завистью) наблюдаю сцены в кино, где мужчин трясет как на центрифуге, когда у их жен начинаются родовые схватки. Каюсь, ничего подобного у меня не было. То ли мое врожденное хладнокровие, граничащее с пофигизмом, тому виной, то ли твоя пышущая здоровьем мама излучала нечеловеческое спокойствие, но в тот самый день, после девяти месяцев ожидания, погрузил я вас обеих в нашу белую «шестерку», отвез в родильное отделение районной поликлиники, а сам вернулся домой и с чистой совестью уселся на диван перед телевизором. Я смотрел «Статского советника» с Олегом Меньшиковым. Да-да, знаю, «фу таким быть», но это правда. Я был совершенно спокоен за вас.

Клянусь, я не испытал эстетического шока даже через час после твоего рождения, когда мне разрешили подержать тебя в руках. «Ну, поздравляю, ты теперь папа», – подумал я и вернул сверток с человеческим детенышем обратно врачу. Я даже пил вечером на автомате, потому что так было принято.

Признаюсь, мои чувства (точнее, их отсутствие) меня озадачили. Я же прекрасно помню свой неописуемый восторг, когда за несколько месяцев до твоего рождения на УЗИ впервые определили, что у меня будет девочка! Я же плясал как полоумный! Едва-едва дотерпел, пока мы не вышли из женской консультации на свежий воздух. И вот – ты уже есть и готова к выписке!

Солнечный летний день, крыльцо роддома, радостные родственники. Кто-то уже выстрелил шампанским (пробка угодила в окно палаты на втором этаже), объективы фото- и видеокамер держат меня на прицеле, а я стою как идиот, держу этот гигантский тугой сверток, из которого торчит твой розовый пятачок, и не знаю, радоваться мне или плакать. В ту минуту – еще не знаю.

А дома, когда содержимое свертка уже лежит на кровати, дрыгает ножками и очумевшими глазами глядит на скопление народа, мне хочется, чтобы никто не расходился, чтобы гости еще посидели до вечера, вдарили со мной по рюмашке. Но нет, они расходятся, желают счастья в личной жизни, здоровья всем, распахивают по углам подарки и все до единого сваливают. И мы остаемся вдвоем, растерянные и потрясенные, в тишине, нарушаемой лишь твоими всхлипываниями.

Просторная двухкомнатная квартира вдруг уменьшается в размерах. Это уже не моя крепость. Вот тут, в углу на кухне, я сидел по вечерам с книгой, потягивая чай; на диване в гостиной я лежал, почесывая пузо и глядя в телевизор; на балконе – курил. Теперь я вззираю на места своего беспечного гнездования почти с ненавистью. Отныне распорядок дней и вечеров укладывается в короткие промежутки между кормлениями, бесконечными постирушками и глажками. А еще эти подъемы посреди ночи! Я теперь с радостью удираю в магазин за хлебом, чтобы иметь хотя бы пятнадцать-двадцать минут личной жизни, и не могу дожидаться окончания отпуска, чтобы выйти на работу и с чистой совестью проводить вне дома дни напролет.

Нет, я не могу сказать, что не рад. Я очень рад. Я же люблю тебя. Но я еще ничего не понимаю. Что характерно – отказываюсь понимать. Верните мне мое предсказуемое прошлое!

А потом случаются вечера, когда у тебя прихватывает животик. Мне приходится успокаивать тебя на руках. Хожу по квартире, пока ты не заснешь. Когда ты, наконец, успокаиваешься, уткнувшись носиком в мою грудь, со мной что-то происходит. В эти минуты я чувствую, что у меня два сердца.

Потом начинаются регулярные прогулки с коляской. Я беру с собой книжку потолще («Казус Кукоцкого» Улицкой и «Убить пересмешника» Харпер Ли) и наматываю километры по двору. Ты дрыхнешь, я читаю. Мне нравятся эти прогулки. Ко мне возвращаются покой и уверенность.

Через две-три недели я, наконец, врубаюсь, что со мной случилось. Я втягиваюсь. Дальше будут твои первые улыбки, первые шаги по дивану и закольцованный диск с песнями Евгения Крылатова из детских фильмов, под которые тебе очень нравится дрыгать ногами. Потом ты будешь охотно дарить мне немножко свободы и личного пространства, но я уже в них не нуждаюсь. Даже заявляясь домой на бровях с какого-нибудь корпоратива, я еще целый час ползаю с тобой по полу, забывая обо всем. Это было самое лучшее время моей жизни.

Надеюсь, ты простишь мне мою первую слабость.

Ладно, пойдем дальше. Я не хочу подробно описывать твое младенчество, потому что это, во-первых, не описать, а во-вторых, если мы будем так основательно останавливаться на каждом эпизоде, книга, боюсь, разрастется до объема «Властелина колец». У тебя просто не хватит терпения дочитать ее до конца.

Давай отмотаем назад от твоего дня рождения лет эдак... двадцать восемь... и посмотрим на этого ушастого белобрысого мальчика, который в будущем станет твоим отцом.

Измерить длину «Икаруса»

Детский садик я не любил.

Ты хмыкнешь: «Надо же, какой оригинал!», – и отчасти твой сарказм* будет оправдан. Мало кто из детей любит «насилие над личностью», а экспорт ребенка из родного дома на целый день черт знает куда таковым и является. Конечно, все со временем привыкают, втягиваются, обзаводятся друзьями-подружками (человек вообще существо ко всему привыкающее) и, наконец, в семилетнем возрасте покидают родной детский сад со слезами на глазах.

Но это не про меня. Я ЕГО ТАК И НЕ ПОЛЮБИЛ!

Знаешь, доча, мой детский сад – это не твой детский сад. Их не только разделяет больше четверти века, они еще и в разных странах находились! Участок твоей буржуазной группы мы с мамой могли видеть из окна – по крайней мере, до тех пор, пока у нас во дворе какой-то жадный умник не построил десятиэтажку. Отвести тебя утром в садик и забрать вечером можно было за десять минут. Кроме того, твоя молодая воспитательница жила в соседнем подъезде и стала практически другом семьи. Ты просто как сыр в масле каталась (тут я себя одергиваю: не надо этого классического «да мы в твои годы!»).

Мой детский сад находился от дома на расстоянии трех остановок общественного транспорта. Добираться туда рано утром приходилось в переполненном автобусе. Знаешь, автобусы в мое советское детство – это не нынешние автобусы! Это были грузные, грязные и вонючие «Икарусы». В утренние часы-пик они представляли собой консервные банки с набитой в них копченой ставридой. Если летом поездка в садик еще как-то скрашивалась ранним рассветом и теплой погодой, то зимой она превращалась в ад.

Холодно, мрачно, я весь обмотанный, словно кочан капусты. Как назло, нас устраивал только один автобус, номер «34», причем на самом перегруженном направлении – в сторону тракторного завода. Стоим с отцом на остановке, мерзнем, пробиваемся сквозь толпу пассажиров, а потом едем придавленные со всех сторон. Представляешь, каково это переживать каждый день?

Есть одно яркое воспоминание о моих утренних поездках. Однажды автобус оказался практически пустой. Не знаю, что за аномалия случилась в то утро, но пассажиров было человек пять. Мы с папой ехали как короли – на двух сиденьях. Это и сыграло роковую роль. Дорога до следующей остановки шла под уклон. Автобус разогнался... и неожиданно резко затормозил. Я слетел с кресла и покатился кубарем. Еще раз медленно, чтобы ты поняла: я не просто грохнулся с кресла, я ПОКАТИЛСЯ КАК МЯЧИК через весь салон автобуса, в чистом пальтишке по грязному полу! Остановила меня только закрытая первая дверь возле кабины водителя (ступеньки перед ней я тоже пересчитал).

Представляешь мой шок? Я даже не помню, заплакал ли я. Отец, кажется, тоже перепугался. Шутка ли – чуть сынулю не угробили! Пальто, разумеется, в хлам, еле очистили.

Вот такой у нас был детский боулинг.

Дырка в заборе

Сейчас детские сады в новостройках возводятся по одному типовому проекту. Ну, максимум по двум. Это достаточно комфортные современные двухэтажные здания с лабиринтами коридоров, просторными помещениями, цивилизованными сануздами и аккуратными участками для прогулок. Может, не хватает какой-то оригинальности, но это вопрос уже к тем, кто заказывает музыку и платит деньги.

Мой садик был – очень оригинальным. Двухэтажный особняк сталинской эпохи, окрашенный в унылый светло-коричневый цвет и похожий на замок злого волшебника. Увидев его впервые, я тут же захотел родиться обратно. От «замка» вправо и влево уходил глухой деревянный забор, скрывавший от посторонних глаз прилегающую территорию. Это сейчас детские сады открыты всем ветрам – отсутствие глухих ограждений существенно расширяет пространство – а мы, выходя на участок, ощущали себя арестантами на прогулке, разве что смотровых вышек с охранниками не хватало.

Но это еще не все «прелести» моего детского сада. У тебя, как я уже сказал, воспитательница была молода, любознательна и энергична (впрочем, почему «была» – она и сейчас такая, дай Бог ей здоровья), и мы с твоей мамой благодарны судьбе за то, что тебе повезло с первым педагогом. Знаешь ли, от того, кто присматривает за ребенком вне дома, зависит очень многое. Попадется гримза, не любящая детей, – пиши пропало.

Своих воспитательниц я помню смутно, но могу сказать точно, что они меня пугали. Обе были уже возрастными тетушками, суровыми, редко улыбающимися. Степень их любви к детям я могу оценить лишь по тем карательным мероприятиям, которые они проводили в наказание за наши косяки. За крупные групповые залеты мы лишались сон-часа. Помню, как однажды нам всей толпой приспичило нажраться «собачек» – это такие маленькие желтые цветочки на кустах, которые росли на нашем участке. Ну, чего взять с детей, интересно же, какие они на вкус. Когда авантюра вскрылась, нам устроили сеанс коллективного блевания в туалете и хождение по кругу вместо послеобеденного сна. Кстати, так мы гуляли всякий раз, когда проказничали. Долго не можем уснуть? Спать не хотим? Окей, подъем, шантрапа, руки за спину – и вперед! А еще некоторых из нас, особо буйных, запирали в темный чулан. Один раз не повезло мне. Там было темно и холодно, и поговорить не с кем – одни швабры и метелки.

В общем, много было таких «веселых» дней. В итоге у меня со временем выработалась стойкая привычка после полдника уходить в свое секретное место. В глухом деревянном заборе в небольшом отдалении от участка обнаружилась щель с прекрасным обзором: сквозь нее я мог видеть проход между двумя соседними жилыми домами, через который вечером шла моя мама. Когда она работала на своем тракторном заводе в первую смену, то есть с утра, обязанность забирать меня из садика выпадала ей. Она возвращалась с работы, выходила на трамвайной остановке и шла за мной. Едва завидев ее, я несея к воспитательнице с сообщением: «Все, я ухожу, бе!».

Эта дырка в заборе спасала меня от депрессии. Если бы ее не было, я, клянусь, собственноручно выломал бы одну из этих чертовых зеленых досок.

Умереть не встать

О том, что люди недолговечны, я также узнал в детском саду. Наш «замок злых троллей» находился в микрорайоне старых построек, сейчас именуемых «бараками». От шумного проспекта Победы нас отделял идущий вдоль фасада переулок длиной примерно сто пятьдесят метров и достаточно широкий, чтобы по нему могли двигаться похоронные процессии. Вот они и двигались примерно раз в три месяца. И ладно бы шли бесшумно, так нет же – их сопровождал духовой оркестр! Тебе, милая, трудно представить, что это за кошмар, потому что сейчас в большом городе с оркестрами уже никого в последний путь не провожают. Но во времена моего детства было заведено: похороны без оркестра – как свадьба без баяна.

Я эту страшную музыку боялся и ненавидел всем своим тщедушным организмом. Похороны проходили после обеда, когда мы укладывались спать. И вот представь: ты опускаешь голову на подушку, заставляешь себя отключиться на пару часов, а за окном – «Там-там-тадам! Дзинь!». В те годы я еще не знал, что это написал Фредерик Шопен и называется оно «Соната для фортепиано №2 си-бемоль минор, соч. 35». Сейчас я думаю, что если бы Шопен услышал ее исполнение в барачных районах Челябинска во второй половине семидесятых, он восстал бы из гроба. Я удивлен, почему не восставали те бедолаги, которых проносили в деревянных ящиках мимо нашего здания. (Забегая вперед, скажу, что в армии я сам играл в духовом оркестре, и пару раз мне доводилось выезжать на похороны; лабали мы ничуть не лучше).

Еще раз медленно: детский сад, сон-час, а прямо под окнами покойника несут!

После пары таких церемоний я разучился засыпать, все поглядывал в окно и прислушивался: не играет ли? У меня сложилось стойкое убеждение, что жители старых районов помирают чаще остальных – в других частях города я такого ужаса не слышал. Может, аномалия?

Был и еще один связанный со смертью момент. В соседнем садике, который находился буквально в паре домов от нас, почти у перекрестка проспекта Победы и улицы Горького, умер мальчик. Нам не объяснили, почему ребенок нашего возраста может внезапно умереть, но мы все группой отправились почтить его память. В небольшом фойе на столике стояла фотография с черной ленточкой. Мы постояли, посмотрели, послушали рассказ о том, каким хорошим мальчиком он был, потом нам раздали конфеты и отвели обратно. Очень печальный вечер.

Возможно, тебя смущает, что я так подробно и даже несколько легкомысленно об этом рассказываю. У меня действительно до сих пор нет ответа на вопрос, какого черта они устраивали эти церемонии рядом с большим скоплением детей. С другой стороны, я не знаю, когда и какими изобразительными средствами стоит знакомить ребятшек с темой смерти. Наверно, это вопрос к психологам.

Ладно, перехожу к следующим кошмарам.

«А вдруг немцы?»

Еще одна вещь, которую боялись все советские дети, включая меня, это война. Кого благодарить? Сейчас бы сказали – «средства массовой информации». В те годы их функцию выполняли два телевизионных канала (да-да, прикинь – всего два канала, причем переключать их надо было плоскогубцами!), газеты и радиоточка на кухне.

Страна жила в постоянном ожидании войны. Из тех скудных сведений, поддающихся в моем нежном возрасте хоть какой-то расшифровке, я делал вывод, что мы живем в самой прекрасной стране планеты, которая единственная хочет мира, а все остальные только и норовят устроить нам огненный кошмар. В качестве основных врагов в моем компактном сознании фигурировали немцы – опять же спасибо телевизору, по которому чуть ли не каждый день показывали военные фильмы. Если для всего мира Вторая мировая к тому времени стала историей, пусть болезненной и тяжелой, но историей, то у нас она все еще жила и пульсировала в венах. Я все время боялся, что немцы не смирились с поражением и в любой момент могут начать новую заварушку.

Однажды я ночевал у своей тети, маминой сестры. Она жила в барачном районе, очень похожем на тот, что окружал мой детский садик, и в нем постоянно происходило что-то неожиданное. И вот ночью прямо напротив наших окон разгорелся гигантский костер. Черт его знает, кто там чего поджег, но я подумал: вот, началось... немцы!

Еле успокоили.

Эту нашу советскую детскую боязнь прекрасно проиллюстрировали ребята из «Квартета И» в фильме «О чем говорят мужчины». Леша Барац вспоминал свое детство: «Лежу ночью и думаю – а вдруг немцы? Ладно, на кухне бабушка спит – куда они сунутся!». Это, конечно, смешно, но тот ночной пожар я запомнил надолго.

Кстати, сейчас, спустя почти сорок лет, у нас на кабеле двести каналов. Думаешь, что-то изменилось? Нет, мы по-прежнему готовимся с кем-то воевать. Но это уже другая история.

«...Бегала собачка»

До поры до времени я ничем не отличался от сверстников. Ну, разве что своей замкнутостью и постоянным желанием свалить домой. Но однажды во мне обнаружили талант.

Я умел петь. И делал это чисто, почти без лажи.

Откуда у меня взялся музыкальный слух, я тогда не задумывался. Говорят, это наследственное. С младых ногтей я крутился возле проигрывателей. Моей любимой пластинкой был «гигант» (так их тогда называли) с песнями из мультфильма «Бременские музыканты». Я запилил его до дыр и страшного скрипа. Часто гостил у моей тети, где тоже были проигрыватель и огромное количество маленьких пластинок (миньонов). Тетушка умилялась: надо же, читать еще не умеет, а заказы поставить ту или другую пластинку выполняет безошибочно. Ну да, я узнавал их по «яблокам», цветным кружкам в центре диска, и количеству царапин на дорожках. В общем, рос меломаном.

И вот прокололся – на одном из музыкальных занятий что-то чисто проорал и сразу был взят на карандаш. С того момента я обязан был петь на каждом утреннике. Я упирался, хныкал, вцеплялся в мамину юбку, просил увести меня с репетиций домой, но все было тщетно. Один из двадцати оболтусов умеешь петь – и в кусты?! Фиг тебе!

Самое яркое воспоминание о моих выступлениях – песня «Во саду ли, в огороде». На меня надели просторную рубаху фасона «Иванушка-дурачок», сунули в руку балалайку и пустили гулять вокруг девочек в зеленых платочках, изображавших березки. Родители сидели на маленьких стульях вдоль стен, остальные дети, стоявшие вокруг пианино, ухмылялись. Думал ли я в тот момент, что музыка станет одним из моих призваний в жизни? Нет, конечно. Я мечтал только о том, чтобы этот ужас быстрее закончился.

На единственной сохранившейся с тех времен «концертной» фотографии я стою перед залом в белой рубашке и черных шортиках, ушастый, сосредоточенный, вытягиваю какую-то сложную ноту. Сейчас этому фото нет цены.

Кстати, о призвании...

Хоккей или кукольный театр?

Ты, конечно, помнишь, сколько кружков осталось у тебя за спиной. Куда мы с мамой тебя только не записывали: классический танец, модерн, восточный, бассейн, английский язык для дошкольников, бисероплетение, хип-хоп. На каждое из увлечений у тебя уходило максимум два года. Сейчас вот тхэквондо. Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Да, родителям часто кажется, что они лучше знают, куда пристроить дитя, дабы оно «все-сторонне развивалось». Кому-то, впрочем, хватает мудрости не давить и позволить бросить то, что не по душе: методом проб и ошибок мы, взрослые, помогаем вам определить, что действительно будет интересно и полезно. Но многие упираются рогом: будешь хоккеистом, и все!

Со мной произошла такая история. Моя тяга к культуре стала явной и очевидной годам к шести. Я, как уже говорил, обожал музыку и пластинки, любил кукольный театр, сходил с ума от просмотра диафильмов. Специально для поколения «You Tube» поясню: диафильм – это комикс, нанесенный на пленку, который можно просматривать только с помощью диапроектора. Находишь в квартире белую стену (за неимением таковой натягиваешь простыню), выключаешь свет, запускаешь аппарат – и вуаля! Из всей богатой коллекции, принадлежащей моему старшему двоюродному брату, я помню только «Али-Бабу и сорок разбойников».

В общем, к моим шести годам выяснилось, что в нашей большой русско-татарской родне количеством в пару десятков человек неожиданно вылупился какой-то утонченный интеллигент в первом поколении. Это было неожиданно, потому что в тренде у нас тогда был спорт – благодаря уже упомянутому выше старшему двоюродному брату. Он с малолетства занимался хоккеем и исключительно хоккеем. Знаешь, дочь, есть такие увлеченные своим делом люди, которым кажется, что это дело – единственно правильное. Разница в возрасте с братом у нас составляет ровно десять лет, его авторитет тогда был непререкаемым, и поэтому все мы, более мелкие его родственники, с утра до ночи должны были либо гонять мячик летом, либо шайбу зимой. В свободное от детского сада время я тусовался на каких-то хоккейных матчах десятого дивизиона, морозил сопли на дворовых чемпионатах «Золотой шайбы», пинал мяч во дворе. Пробовал протестовать, но как-то неубедительно. И тетушки, и дядюшки были уверены: спорт – это будущее!

Поверь, я не имел и не имею ничего против спорта. Он когда для здоровья и общего самочувствия и развития, то дело хорошее. Но если тебя с шести лет начинают готовить к Олимпиаде, не спрашивая твоего желания, то это уже перебор.

В общем, однажды я психанул: «Не хочу ваш чертов хоккей! Хочу в кукольный театр!».

Брат-наставник психанул в ответ – взял за руку и потащил в этот самый театр, который находился всего в паре кварталов от нашего дома. Помню, я заметно приободрился: моя взяла! И все бы ничего, да только было уже темно, потому что – вечер, а детские спектакли показывали только по утрам. Разумеется, мы потоптались на крыльце театра и пошли обратно.

«Ну что, доволен?» – спросил брат. Он явно не скрывал своего торжества. Я же давился слезами. Хорошо, что было уже темно.

Я так подробно останавливаюсь на этом, казалось бы, несущественном эпизоде (ну, подумаешь, какие-то детские «обидки»!), потому что хочу донести одну важную вещь: впереди тебя ждет долгая и даже, возможно, бесконечная борьба за право быть собой. В детстве тебе навязывают кружки и секции, в школьном возрасте пугают будущей нищетой, если не подтянешь математику, а уже в зрелом возрасте обязательно найдутся те, кто решит, что ты тратишь время на ерунду, потому что у тебя до сих пор нет «Бентли»* и пентхауса*. Поверь, я все это проходил.

В двенадцатилетнем возрасте я бросил занятия боксом ради работы на детской железной дороге в городском парке. «Что за чушь! – говорила наша самая авторитетная тетя, царствие

ей небесное. – Бросить спорт?!». Моя мама пыталась за меня вступить: «А вдруг это его будущая профессия?». – «Да какая, бл..., профессия!».

Спустя много лет, когда мне было уже под тридцать, я услышал: «Что ты фигней страдаешь? Ну, что тебе это радио? Айда ко мне на производство! Зарплата в четыре раза выше». Мне хотелось сказать в ответ: «Какое, бл..., производство?!», – но я вовремя остановился, потому что человека этого любил и уважал. Хороший был мужик.

Вот мне уже сорок пять, и что ты думаешь? Я до сих пор периодически слышу «добрый» совет: «Займись нормальным делом!». Представления о том, какое дело «нормальное», а какое «вносуковырялово», у всех разные, однако критерий почему-то у большинства один и тот же – уровень материального благополучия. Очень спорный вопрос. Вот у меня, например, нет «Бентли», но даже если бы я мог себе позволить его купить, нафига он сдался? Мне хватит машины попроще. Зато меня читают и слушают тысячи людей, будут слушать и читать (эту книгу, например) мои внуки и правнуки, и таким образом я буду разговаривать с ними, как сейчас разговариваю с тобой. «Утешение для неудачников!», – съезвит кто-нибудь. «Черта лысого, – отвечу я. – От вас, ребята, после смерти останутся только изображения»...

Возможность оставаться собой – роскошь, позволить себе которую могут очень немногие. Жизнь иногда заставляет играть по ее правилам. Это хорошо видно на встречах одноклассников. Общаешься с ребятами – повзрослевшими, изменившимися, погрязшими в житейских делах и заботах, и задаешь себе вопросы: «А вот эта девочка разве мечтала стать продавцом в рыбном магазине? Что-то не припомню, такая яркая была. А вот у этого парня, с которым ты за одной партой сидел и в „морской бой“ играл, ритуальная компания при городском кладбище?! Он же так лихо на гитаре фигачил!».

С другой стороны, какое мое собачье дело? Может, они счастливы на своем месте?

Не могу не вспомнить в очередной раз (да, я часто повторяюсь) эпизод одного из моих любимых фильмов – «Мне бы в небо» с Джорджем Клуни. Он играет человека, которому выпала сомнительная радость летать по стране и увольнять попавших под сокращение сотрудников крупных компаний, потому что у директоров этих компаний «кишка тонка» выставлать людей на улицу. И вот сидит перед ним очередной бедолага, оставшийся без работы, показывает фотографии своих ребятишек и говорит: «А что мне сказать им?». – «А о чем вы мечтали в детстве?» – спрашивает Клуни. – «Печь пироги. У меня хорошо получалось». – «И какую же зарплату вам положили в этой гребаной компании, что вы забыли о своей детской мечте?».

И еще. Однажды моя первая учительница вызвала в школу родителей и пожаловалась: «Целый урок смотрит в окно, грызет ручку, меня не слушает. Вроде и должна поставить ему двойку, а рука не поднимается. Вдруг, когда вырастет, артистом станет или писателем?». Все как в фильме «Доживем до понедельника», только там речь шла о клоуне.

Я благодарен вам за мудрость, Элла Михайловна...

А тебе, доча, скажу: название этой главы «Хоккей или кукольный театр?» можно понимать так: «Быть правильным или быть счастливым?».

Выбирай второе. И плевать, кто что думает. Даже я.

Высочайшее разрешение

Пора завязывать с садиком, я считаю. Ты давно уже выросла из этого возраста, многое подзабыла, и сравнивать тебе особо не с чем. Но напоследок вот что хочу рассказать.

В моем глубоком детстве, как ты понимаешь, не было мобильных телефонов, интернета, кабельного телевидения, цифровых камер и другой подобной ерунды. Самые крутые могли позволить себе иметь КИНОкамеры – такие штуковины, которые снимали видео на пленку. Не представляю сейчас, скольких хлопот требовали съемка и домашний просмотр, допустим, детского утренника... В общем, единственным наглядным свидетельством того, что я когда-то был маленьким и ушастым, остаются черно-белые (реже – цветные) фотографии. Пару лет назад, кстати, я испугался, что потерял их – целую папку снимков из детского сада, школы, летних загородных лагерей! Но, слава Богу, нашлась. В моем творческом бардаке и не такие ценности терялись.

Когда я их пересматриваю, ловлю себя на мысли, что завидую тебе. Ох, сколько бы я дал, чтобы услышать эту свою несчастную «березу», или что там за дерево росло то ли во саду, то ли в огороде! Вот бы услышать, какие первые слова я говорил, дрыгая ногами в кровати! Хоть одним глазком глянуть, как сделал первые шаги и шмякнулся на задницу! Вот у тебя такого добра просто завались, мы с твоей мамой постарались.

Да-да, мы пали жертвой современной родительской болезни – снимать на видео каждый пук и чих своих отпрысков. Сотни гигабайт информации, тысячи снимков, десятки часов видео, большинство из которых малоинформативны! Не скажу, что тотальная съемка была совсем уж бесполезным занятием – некоторым сюжетам действительно нет цены – но если уж делать полную и честную ревизию всего отснятого материала, то под «монтажные ножницы» можно будет смело пустить добрую половину. Мы ведь не задумывались, надо или не надо, важно или не очень. Стукнуло в голову: «О, прикольно же!», – и нажал на кнопку «гес».

«Тот, кто постоянно снимает, не полагается на свою память».

В один прекрасный день я решил остановить это безумие. Тебе было лет шесть-семь. Я вдруг подумал: все твои утренники в детском саду, семейные праздники, выступления на сцене и другие «выходы в свет» я видел только через дисплей этой чертовой камеры! Искал нужный ракурс, выбирал удачные точки для съемки, ползал по полу, прятался за ширмами, выпрыгивал из-за чужих голов – словом, делал все, но только не смотрел туда, где ты была живьем, в «самом высоком разрешении»! И я сказал себе: хватит!

Сейчас, присутствуя на каком-нибудь детском мероприятии, я всякий раз вижу одну и ту же безумную картину – десятки светящихся в зале дисплеев смартфонов и камер. Поверь мне, это очень смешно... и глупо.

Кстати, видео с твоей школьной линейки в первом классе я до сих пор даже не сбрасывал с кассеты на «цифру». Никому не говори, а то убьют.

Потому что гладиолус

Свою собственную первую школьную линейку я помню смутно. Чувствовал ли я что-то наподобие стресса от резких перемен в жизни? Боялся ли неизвестности? Не знаю. Помню только, что с детским садом я попрощался легко и быстро: получил свой набор первоклассника, сфотографировался с группой в школьной форме и смылся домой.

Школа моя находилась в том же квартале, что и дом – пешком дворами можно дойти за три-четыре минуты. Первого сентября лил дождь, линейка проходила в подвальном гардеробе. В одной руке я держал синий шарик, в другой букет гладиолусов. Других цветов тогда мы не видели. Это вы сейчас тратите целое состояние, заказывая цветочные композиции, удел которых – завянуть через неделю в кабинете классной руководительницы. У нас же все было дешево и сердито. А нечего выделяться! Мальчики – в синем, девочки – в черно-коричневом, каждому в зубы гладиолусы по рублю за букет, и вперед за знаниями!

Посадили меня за первую парту. Наверно, потому что глаза были умные.

Папа гадский, но честный

Из книги «Томка. Начало»

- Пап, а у тебя были в школе строгие учительницы?
- Полно. Например, по математике. Совсем мрак. Поэтому я терпеть не мог математику.
- Да ладно!
- Ага. Часто тройки получал.
- А двойки у тебя были?
- Конечно.
- А по коридору ты носился как угорелый?
- Каждый день. Иногда меня ловили и наказывали.
- А пятерок у тебя много было?
- Тоже случались.
- А чего было больше – пятерок или двоек?
- Поровну. В основном, я получал тройки и четверки.
- М-да, пап, какой-то ты неидеальный у меня получаешься.
- Какой есть.
- А должен подавать мне пример!
- Вот и подаю.
- Какой?
- Вырастешь, станешь мамой, начнут тебе дочь или сын такие же вопросы задавать – тогда поймешь.

Ты уже поняла, к чему я веду, и мы с тобой уже обсуждали это во время совместных прогулок на свежем воздухе. Но я все-таки остановлюсь на этом важном моменте еще раз.

Итак, все родители любят приврать. Наши любимые истории начинаются со слов: «Вот я в твои годы...», – а продолжение может быть каким угодно:

- учился только на «отлично»;
 - занимался в кружках художественного свиста, плетении корзинок, бегал на лыжах, мыл посуду, выносил мусор, ходил за хлебом – и везде успевал;
 - ложился спать в десять;
 - не сморкался в занавеску...
- Бла-бла-бла.

Я в свое время наслушался мифов побольше, чем смогли придумать древние греки. Несомненно, родители мелют языком из лучших побуждений, чтобы, так сказать, собственным примером показать, что ты не бестолочь и можешь быть лучше. «Делай как я!», – как бы говорим мы.

Не надо, милая. Не делай как я. Давай уж как-нибудь по-другому.

Примерным учеником я был лишь первые три года (пара залетов с поведением не в счет). Табель об успеваемости сохранился только один, но честно скажу, что с первого по третий класс у меня было всего несколько четверок, а все остальные оценки – «отлично». Три года, милая (!), я оправдывал надежды взрослых, не затрачивая для этого никаких видимых усилий. С четвертого-пятого классов стало чуть похуже, а уж совсем «катастрофа» произошла в шестом. Но об этом чуть позже.

Что же случилось с этим «способным, трудолюбивым, любознательным мальчиком»?

А черт его знает. Много причин.

АВБА!

Ну, крыша-то у меня поехала уже в первом классе. Я рассказывал тебе чуть раньше о сильном влиянии старшего двоюродного брата-наставника. Так вот, не хоккеем единым он нас потчевал...

У него единственного в нашей родне был настоящий магнитофон – большой, древний, катушечный... Как бы тебе объяснить, что такое «катушечный»... В общем, компакт-кассеты ты у меня уже видела – у них пленка тонкая и узкая, маленькие катушки спрятаны внутри пластикового корпуса. На больших же магнитофонах пленка была широкая и наматывалась на бобины размером с блюдце. В процессе прослушивания пленка перематывалась с полной катушки на пустую, а по пути проходила через головку, которая считывала информацию... Короче, «гугл» тебе в помощь.

Для нас, сопливых салажат начала восьмидесятых, этот магнитофон был космическим кораблем пришельцев. Знаешь, как он назывался? Держись за стул!

«Дайна». Почти как тебя.

С помощью этого старого ящика я впервые услышал Владимира Высоцкого и группы «Бони М» и «АББА». Если хочешь, я могу сейчас надуть щеки и с пафосом сказать, что это изменило всю мою жизнь... Не хочешь? Ладно, не буду... Но крышу мне это точно снесло, как я уже и говорил. Ничего подобного на купленных в магазине пластинках я до тех пор не слышал, потому что пластинки с хитовой зарубежной музыкой невозможно было купить – дефицит.

Когда взрослые собирались на свои общие праздники-посиделки, нас, детвору, сгоняли в резервацию в отдельную комнату, а чтобы мы не крутились у стола и при этом сами не скучали, нам отдавали на растерзание «Дайну» и запирали дверь на ключ. Мы выключали в комнате свет, собирались в кружок вокруг магнитофона... и слушали Настоящую Крутую Зарубежную Музыку. Горели лампочки, шелестела пленка, а из динамиков несло: «Мама мия! Хир Ай Гоу Эген!...».

В 1981 году на экраны кинотеатров вышел музыкальный фильм «АББА!», посвященный гастролям группы в Австралии. Я ходил на него два раза. В тот год я твердо решил, что стану музыкантом и мне будет рукоплескать весь мир. Чтобы доказать серьезность намерений, я купил на рынке за 10 копеек гитарный медиатор.

Первая гитара у меня появилась только семь лет спустя.

Удрать за 60 секунд

Кстати, о тех вечеринках. Наивные родители думали, что действительно могли обезопасить себя от нашего назойливого присутствия простым поворотом ключа в замке межкомнатной двери. Ха-ха.

В те годы был очень популярен многосерийный мультфильм «Вокруг света за 80 дней». В каждой серии главный герой, очень умный дядька по имени Филиас Фогг, отправляясь в путешествие, велел слуге взять в дорогу набор разных предметов. Это было самое интригующее место в каждой новой серии: никогда не знаешь, для чего в пути могут пригодиться все эти веревки, листы бумаги, свечки и так далее. Но они изумительным образом всегда выручали Фогга в трудную минуту.

В общем, способ освободиться из заточения мы подсмотрели в одной из серий мультфильма. Ошибка родителей заключалась в том, что они оставляли ключ (а это был старый плоский ключ для двустороннего замка) в скважине. Однажды мы подсунули под дверь развернутый лист газеты, вытолкнули ключ тонкой палочкой и втянули его на газете к себе.

Радости от того, что мы так ловко надули родителей, было больше, чем у одиннадцати друзей Оушена, ограбивших казино в Лас-Вегасе.

Достал

Слово «дефицит» уже прозвучало в предыдущей главе. Я тебе объяснял его значение, но общих теоретических знаний будет недостаточно. Это надо прочувствовать.

В годы моей юности слово «достал» означало невероятную крутизну. Купить – это для лохов. Если ты, имея в кармане несколько монет, заходил в магазин и что-то *покупал*, можешь считать, что ты, в лучшем случае, приобрел то, что у всех уже есть, а в худшем ты точно купил дерьмо.

Думаешь, магнитофон «Дайна» брат купил так же просто, как вы сейчас покупаете новые телефоны? Нет, он его *достал* путем сложных товарных обменов с помощью мамы и ее знакомых в торговле. И так во всем.

Почти все приходилось *доставать*, рыская по городу и выстаивая длинные очереди: хорошую и качественную мебель (например, кухонный стол, который до сих пор стоит в доме моих родителей, и сносу ему нет), бытовую технику (страшную на вид стиральную машину под странным названием «Чайка» – какая, нафиг, «Чайка» с таким грохотом!), всякие сладости к столу. Однажды пришлось ехать на железнодорожный вокзал, чтобы в небольшом продуктовом магазинчике купить несколько плиток якобы шоколада «Пальма». Во второй половине восьмидесятых стало совсем уж нехорошо: сахар, масло и колбасу продавали только по талонам, а талоны, в свою очередь, выдавали только раз в месяц, и определенное количество. Потерял эту бумажку с печатью – и все, вместо полкило докторской колбасы будешь жевать морскую капусту, которой, кстати, в магазинах было почему-то завались.

В общем, милая, особым шиком считалось притащить в школу какую-нибудь фигню, которую удалось «достать». Для меня настоящим школьным триумфом оборачивались приезды в гости другого двоюродного брата, семья которого жила в Венгрии. Привозили они с собой много всякой европейской всячины – «фанту» в стеклянных бутылках, от вкуса которой у меня глаза на лоб лезли, солдатиков (знаменитых «ковбойцев» и индейцев), какие-то шмотки. Но самым клевым и ходовым товаром были круглые жевательные резинки разных цветов. Один шарик в школе можно было обменять на трех солдатиков...

Господи, зачем я все это тебе рассказываю! Разве ты сможешь понять и прочувствовать? Кому это интересно сейчас, когда в несколько кликов можно заказать на каком-нибудь «Али-экспрессе» скафандр для выхода в открытый космос? «Разговоры для бедных», ей-богу.

Поехали дальше!

Волосы

Сейчас взрослые и «умные» дяденьки и тетеньки прилагают очень много усилий, чтобы оградить детей и подростков от «нежелательного контента». Пишут законы, вводят возрастные ограничения, блокируют интернет-сайты, ретушируют изображения сисек. В общем, стараются люди, ночей не спят – думают, чего бы еще запретить.

И чо?

Мое недавнее личное наблюдение: на взрослую, довольно трэшевую, версию фильма «Гоголь. Начало» один папаша привел весь свой цыплячий выводок в возрасте от семи и чуть старше. Думаешь, их остановили на входе? Ничего подобного! Весь фильм, пока Гоголь на экране всяческие безобразия нарушал, семейка спокойно хрустела попкорном. Кто-то даже смеялся.

В общем, запрещай – не запрещай, блокируй что хочешь, а «нежелательный контент» вы везде найдете. Мы вот тоже находили...

Изображение «голой тетки» я впервые увидел, кажется, во втором классе. Кто-то из пацанов, безнадежных раздолбаев с последних парт, которым не светили никакие университеты, притащил в школу пару «веселых картинок». Черт его знает, где он их нашел. Может, у папаши стащил. На большой перемене мы, мальчики-зайчики, отказавшись от обеда в столовой, увязались за коварным искусителем на школьный двор. И вот за углом здания, на крыльце у черного хода, я испытал еще одно эстетическое потрясение.

Я узнал, что у женщин *ТАМ*, оказывается, тоже есть волосы! Да чтоб мне лопнуть!

Больше ничего в тот день я разглядеть толком не успел, но и увиденного хватило, чтобы погрузиться в размышления на весь день.

С тех пор мода очень сильно изменилась...

Лето и проклятые буржуины

Но что я все о школе. Были ведь еще и каникулы!

Первое «взрослое» лето стало для меня серьезным испытанием. Раньше я никогда не разлучался с родными больше чем на два-три дня (поездка во Львов через Москву в 1979 году не считается – тогда мы ездили с отцом и тетей). А тут целых три недели и черт знает с кем!

Мне хватило нескольких часов, чтобы понять, в какую засаду я попал. Родители опоздали на распределение по отрядам, и мы с одним мальчишкой, таким же первоклашкой, попали в отряд под номером 17, хотя по возрасту нам подходил 23-й. Кто будет дружить с нами, малышами!

Помнишь, доча, как ты ревела белугой в свой первый день в загородном лагере? Всё обрывала телефон: «Заберите меня отсюда, ыыы! Домой хочу, ааааа!». Так вот, со мной происходило то же самое, за одним исключением: мобильных телефонов не было.

Но ничего, со временем втянулся. Лагерь был большой, уютный, с милыми деревянными домиками и летним театром под крышей, в сосновой роще. Жаль только, что водоема рядом не оказалось – только река Миасс в самом узком ее течении. Зато был бассейн под открытым небом.

Мы меньше скучали по дому, когда руководство лагеря придумывало для нас разные забавы. Однажды решили провести фестиваль театральных постановок. Наш воспитатель, молодой парень лет двадцати, предложил поставить «Мальчиша-Кибальчиша», старую революционную сказку про пионера-героя, которого замучили враги*. На роль этого героя, не выдавшего буржуинам военную тайну, выбрали меня, потому что в коллективе я был самым мелким. Забыв о тоске по дому и маминым пирожкам, я всей душой отдался театру. Работали несколько дней как проклятые, пошили роскошные буржуинские костюмы, вызубрили диалоги. На наши репетиции приходили поглазеть ребята из соседних отрядов – настолько эффектно все это выглядело.

Но нас ожидал жесточайший облом.

В день генерального прогона руководство поглядело на наши костюмы и пришло в ужас: «Вы с ума сошли?!».

Спектакль запретили.

Причину я понял даже своими юными мозгами: слишком яркими оказались буржуины, увешанные крестами и имперскими аксельбантами, в пиджаках от советской школьной формы. «Вы напоминаете фашистов», – сказали нам. Воспитатель-постановщик очень расстроился.

Это был первый осознанный в моей жизни факт столкновения с цензурой*. Как выяснилось много лет спустя, далеко не последний.

Это наш с тобой секрет

Знаешь, чем мы еще развлекались в лагере?

Только не ржать!

Мы прятали «секретики»...

Дурацкое, по нынешним меркам, и даже девчачье занятие, но вставляло не по-детски.

Итак, мы находили крупные осколки бутылок (разумеется, стеклянных, ибо других в те времена еще не изобрели), выбирали красивый конфетный фантик или любую другую миниатюрную картинку, и углублялись в лесную часть лагеря. Лучше всего подходили заросли с высокой травой – так сильнее вставляло. Выкапывали маленькую ямку, выкладывали на ее дно картинку и сверху закрывали стеклом. Финальный аккорд – засыпать все это землей, но так, чтобы можно было найти и очистить.

Смысл игры состоял в том, чтобы время от времени навещать эту своеобразную «могилку» фантика, одному или с другом, счищать с нее землю и любоваться прикрытой стеклом картинкой: вот, типа, мой секрет от всего мира, «Белочка» или «Мишка на севере».

«Секретики» могли лежать на своем месте всю смену. Ты ходил по лагерю, занимался своими делами и знал, что где-то там, в лесу, лежит твой секрет. Это как смотреть в ночное небо и думать, что где-то далеко в космосе среди миллионов звезд есть одна, названная твоим именем.

Увы, часто случалось так, что мы свои секреты просто не могли найти или их находил кто-то другой и разорял. Тогда было немного грустно: вот ведь, не уберегли...

Так, я просил тебя не ржать!

Стыдно

У каждого из нас есть свои скелеты в шкафу – неприглядные факты биографии, которыми ни с кем не хочется делиться. Даже самые доверительные отношения с человеком (например, со мной) не всегда могут позволить тебе признаться в каких-то своих слабостях или ошибках. Это нормально. Не многие из нас способны распахнуться даже перед супер-мега-психологом, какие-то вещи лежат (или стоят, если уж говорить о «скелетах») в самых темных углах нашей души и останутся там до скончания веков, потому что вынуть их на свет божий страшно и стыдно.

Но иногда надо.

Первые поступки, за которые мне стыдно до сих пор, я совершил в начальной школе. Тут надо пояснить, что слово «совершил» не всегда означает какое-то конкретное осознанное действие. Не обязательно бить человека, достаточно отвернуться, когда кого-то лупят, и сказать себе: «Не моя проблема, не буду лезть, а то еще и мне достанется». Это тоже будет поступок.

В моем классе хватало хулиганов и отстающих (обе эти категории, как правило, совпадают, хотя не всякий отстающий – обязательно хулиган). Ты не хуже меня знаешь, что они проявляются уже в самом начале учебы. С ними иногда весело, на уроках они кривляются, зарабатывают двойки глупыми ответами – в общем, разряжают обстановку. Но не всегда они столь безобидны.

Однажды после уроков мальчишки из нашего класса отправились на спортивную площадку дурака валять. Большинство этим и занималось – болтали, крутились на перекладинах, пинали мячик. А двое парней притащили откуда-то бродячего котенка и давай гонять его по площадке. Чтобы он не сбежал, бедной животинке... (вздыхаю) перебили лапы ударами сапога... Все «хорошие мальчики» бросили свои занятия и пошли смотреть это «шоу». Что дальше творили с котенком наши два главных отморозка, я здесь в подробностях описывать не буду. Скажу лишь, что это продолжалось минут пятнадцать, а в самом конце несчастного котейку просто добили ударом монтировки. Несколько предсмертных судорог – и все.

Никто из нас, «хорошистов» и «зайчиков», не выдал ни слова. Мы понимали, что происходящее на наших глазах – это убийство, причем совершенное нашими ровесниками. Ни один не посмел вмешаться: «Перестаньте! Вы идиоты?!». Мы были словно парализованы.

Я был среди этих молчунов. Я не мог и не хотел выделяться из толпы, хотя, казалось бы, естественная и нормальная реакция человека в данной ситуации – подойти и дать ублюдкам в рыло, да так, чтобы в будущем у них и мыслей подобных не возникало. Если в десятилетнем возрасте человек хладнокровно и с видимым удовольствием убивает кошку, то в двадцать лет, а то и раньше, он поднимет руку на себе подобного. Но нет, у меня не хватило духу.

Похожая ситуация повторилась в седьмом классе. Мы всей параллелью ездили «на картошку». Те же два хулигана где-то нашли двух (!) котят и уже наострили лыжи в ближайший лесок, чтобы разделаться с ними, но парней остановили... наши девчонки! Им почему-то хватило и смелости, и здравого смысла, и нужных матерных слов. А мы снова отвернулись.

Девчонки сильнее и правильнее, что ли...

Как я уже и говорил, мне стыдно за это детское малодушие до сих пор. Впоследствии жизнь часто подбрасывала моменты, когда требовалось активное вмешательство или хотя бы моральное участие, но, к сожалению, в пяти случаях из десяти я предпочитал отворачиваться и убеждать себя, что это «не моя проблема».

Испытания «на вшивость» достаются каждому из нас. Не все их проходят. Нет ни одного человека, которому не приходилось хоть раз в жизни втягивать голову в плечи и проходить мимо. Если ты видишь перед собой какого-то праведника со светящимся нимбом над головой, будь уверена, что он его присобачил себе сам.

Но надо стараться изживать в себе эти качества. Не подошел к лежащему на улице человеку, не вступился, если кого-то обижают, отвернулся, махнул рукой, струсил... и кому-то не повезло.

Помни об этом.

P.S. Однажды я ходил в магазин за молоком. Стоя в очереди, увидел на металлической полке для сумок красненькую купюру в десять рублей. Внушительная сумма! На эти деньги тогда можно было купить 50 стаканчиков пломбира, 40 раз сходить в кино на дневной сеанс в будни или выпить 333 стакана газировки с сиропом. Возможно, червонец выронила стоявшая впереди меня тетушка... а может, и нет. Но деньги я прибрал себе.

Мне стыдно. «Фу» таким быть.

Антошка, пойдём копать!

Кстати, о картошке! Это же просто праздник какой-то!

Где-то примерно в шестом классе нас стали гонять на колхозные поля – помогать сельским труженикам собирать урожай. Вот прямо всю параллель снимали с уроков, сажали в автобус и гнали на бесплатную работу. Это была славная советская традиция – привлекать «зажравшихся» жителей городов, школьников и студентов к решению продовольственной проблемы. Это сейчас продукты питания у нас производят фермеры (точнее, большие агрохолдинги во главе с толстыми миллионерами) или закупаются за границей, а во времена моей юности страну кормили так называемые «колхозы» – коллективные хозяйства, в которых беспросветно трудились жители деревень. Я тогда не понимал, почему им обязательно нужно было помогать, но чувствовал, что если не поможем, останемся зимой без картофеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.